

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё
Часть 3

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё Часть 3

<https://litres.ru/74187834>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Илек помнит всё» — это книга о людях, чье трудолюбие, вера и прожитые судьбы сложились в живую, подлинную историю поселка Аккемир и близлежащих сел. О тех, кто не искал громкой славы, но день за днем создавал мир вокруг себя: строил дома, растил детей, хранил традиции, переживал утраты и радости, оставляя после себя незримый, но прочный след.

В этих очерках — человеческие голоса и лица, воспоминания и судьбоносные выборы, будни и редкие праздники. Здесь слово соседствует с фотографией, а личная память переплетается с историей места. Это попытка сохранить дыхание нашего времени, чтобы будущие поколения смогли услышать, какими были их предки, понять, чем они жили и во что верили.

Эта книга — не просто хроника, а знак благодарности тем, кто жил рядом с нами, чье присутствие формировало характер поселка и его душу. Пока о них помнят и говорят — Илек действительно помнит всё.

Иосиф Циммерманн

Илек помнит всё Часть 3

Пролог

«Илек помнит всё» — это книга о людях, чье трудолюбие, вера и прожитые судьбы сложились в живую, подлинную историю поселка Аккемир и близлежащих сел. О тех, кто не искал громкой славы, но день за днем создавал мир вокруг себя: строил дома, растил детей, хранил традиции, переживал утраты и радости, оставляя после себя незримый, но прочный след.

В этих очерках — человеческие голоса и лица, воспоминания и судьбоносные выборы, будни и редкие праздники. Здесь слово соседствует с фотографией, а личная память переплетается с историей места. Это попытка сохранить дыхание нашего времени, чтобы будущие поколения смогли услышать, какими были их предки, понять, чем они жили и во что верили.

Эта книга — не просто хроника, а знак благодарности тем, кто жил рядом с нами, чье присутствие формировало характер поселка и его душу. Пока о них помнят и говорят — Илек действительно помнит всё.

об авторе

Иосиф Антонович Циммерманн — писатель, чьи строки выросли из личной памяти и живых человеческих судеб.

Большинство героев его произведений — не вымышленные персонажи, а соседи, друзья детства и родственники. Он знает их истории из первых уст, помнит их лица и голоса.

По происхождению — наполовину немец-католик, наполовину русский-православный. Его крестная мать была украинка — как символ единства культур, переплетенных в его прозе.

Потому каждое слово в его рассказах — не просто воспоминание, а тихая исповедь поколений, чья жизнь стала частью большой истории.

Адъё, Аккемир

Но счастье оказалось иллюзией. В восьмидесятые годы вместо светлого коммунизма пришел застой. Полки магази-

нов опустели, хлеб привозили нерегулярно. Дом культуры погрузился в тишину, кинопроектор больше не гудел, а школа, садик и сам Дом культуры отапливались слабо, если вообще отапливались. Совхозные трактора и комбайны все чаще стояли без дела — не хватало запчастей. Мастерские развалились, а вместе с ними исчезли последние надежды на ремонт.

Совхозные яблоневого сада вырубали на дрова, стройные тополя вдоль улицы Советская превратились в низкие пенечки. Деревянные заборы палисадников сожгли в печах. Кизяк стал ценностью, а пустые фермы — памятниками былого процветания.

Воду снова начали таскать из реки Илек, как в довоенные времена. Женщины с коромыслами выстраивались длинной вереницей, благодарные реке, что та осталась верной, несмотря на людские беды.

Жарким днем 1992 года над сельсоветом сменили флаг: вместо советского красного подняли казахстанский небесно-голубой. Вывеска «сельсовет» уступила место «акимату», и теперь поселением правил не председатель, а аким. Великий и могучий русский язык стал просто иностранным предметом в школе, переименованной в «мектеп».

Улицы тоже обрели новые имена: Советская стала улицей Котибара батыра, Элеваторская — улицей Мендыкулова, Школьная — улицей Назарова, а Центральная — улицей Абдрахмановых, в честь большого местного рода.

Поселок теперь чаще называли аулом. Даже вокзал переименовали, украсив фасад щитом с гордым названием «Аккемер» — тот самый тюркский «белый пояс».

Но вместе с переменами пришли тревоги. По ночам в ауле раздавался рев мотоциклов, а в сумерках мелькали силуэты всадников. Это были «братья Исины» — самопровозглашенные хозяева аула.

остатки МТМ и бани

Когда-то многонациональный Аккемир, символ советской дружбы народов, превратился в аул, где правили страх

и беспредел. Люди боялись появляться на улицах, а забитые крест-накрест окна домов немцев и русских стали привычным пейзажем. На многих домах висели вывески «Продается», но покупателей не находилось.

Этот распад национального мира стал отражением того, что происходило в стране. Казалось, советская мечта растворилась в воздухе, оставив после себя лишь руины дружбы и разорванные связи.

Первые, кто массово уехал, были немцы.

— У них богатая тетя Германия, — провожали их вздохами аккемирчане. — Не на чужбину едут...

Следом начали уезжать другие. Аккемир терял свое лицо, свои традиции, превращаясь в очередную жертву времени и перемен.

В небе медленно разгоралась заря. Ее свет, настойчиво пробивавшийся сквозь остатки ночного сумрака, неумолимо гасил звезды, словно напоминая им, что их время истекло. Заря, подобно верной служанке, торжественно выстилала на небосводе алый ковер для своего повелителя — могучего солнца.

руководство совхоза Пролетарский

Солнце всходило! Сначала на горизонте появилась тонкая сверкающая полоска. Первый солнечный луч, будто живая стрела, пронесся с востока по далеким холмам. Он ударился о водонапорную башню, горделиво возвышавшуюся над окрестностью, позолотил ее верхушку и разорвался на мириады ярких осколков. Утренний свет залил местность радостным сиянием.

Зеркальные солнечные зайчики пустились в пляс. Они разбегались по бесконечным железнодорожным рельсам, прыгали по окнам и карнизам старого вокзала, а затем нена-

долго задержались на до блеска вычищенном казане и другой утвари у дома Хабхабыча.

Несколько бликов, словно играя, зацепились за яркие украшения казашки. Ее волосы покрывал ослепительно белый кимешек с вырезом для лица, а сверху возвышался белоснежный тюрбан. Алтын была нарядно одета: длинный женский койлек с высоким воротом и стоячим воротничком подчеркивал ее изящество. Поверх платья она носила черный бархатный камзол без рукавов, доходивший до колен. Полочки и подол камзола украшала затейливая вышивка, позумент и серебряная отделка. Металлические посеребренные пряжки, застежки и горизонтально пришитые пуговицы – туйме – придавали наряду богатый вид.

Рядом с ней сидел Яков – ее муж, одетый по-европейски. Серый костюм, белая рубашка, на голове соломенная шляпа. Его приземистая фигура контрастировала с высокой, величественной Алтын в праздничном головном уборе, и это делало его похожим на ребенка, наряженного во взрослую одежду.

Это зрелище было одновременно трогательным и забавным. Влюбленная пара сидела в обнимку, несмотря на явную разницу в образах. Они не смыкали глаз всю ночь, а с наступлением рассвета отправились к скамейке, которую много лет назад установил здесь Яков. Это было их особенное место.

Отсюда открывался захватывающий вид на поросшую камышом и черноталом низину реки Илек. На противополож-

ном берегу, словно белый лебедь, раскинула свои длинные крылья известняковая круча. А за ней до самого горизонта простиралась ровная, бескрайняя степь. Весна в этом году задержалась, но, словно извиняясь, в начале мая одарила землю щедрым ковром ярких диких тюльпанов.

– Я не припомню, чтобы раньше так много красных цвело, – прервал молчание Яков, задумчиво глядя на алую степь.

– Как и мое сердце, – всхлипнула Алтын, – степь кровью обливается.

Яков крепче прижал жену к себе, нежно поцеловал ее в щеку и тихо прошептал:

– Перестань, родная! Пожалуйста. И так тяжело...

Солнце уже взошло! Весеннее утреннее светило не было суровой летней мачехой, палящей все живое. Это солнце, мягкое и ласковое, смотрело на мир, как влюбленная женщина – с теплотой и нежностью, успокаивая, а не обжигая.

Алтын выскользнула из объятий мужа и кокетливо заявила:

– Ну все, теперь ты мне больше не нужен. Я согрелась.

Яков мягко коснулся плеча жены, повернул ее к себе и долго всматривался в ее лицо. Родные черты, знакомые до мельчайших линий, казались ему сейчас еще дороже. Несмотря на годы, черные глаза Алтын сохранили тот же озорной блеск, что в их молодости.

– Если твою Алтын в переводе «золотом» зовут, то мою, пожалуй, можно в «змея подколодная» перекрестить, – од-

нажды шутливо сказал сосед Якову, наблюдая за его женой.

Яков знал, как щедро одарила его судьба. Он был безмерно счастлив и благодарен за Алтын. Этот восторг он чувствовал не только сейчас, при расставании, но и каждый день их долгой совместной жизни. Он осторожно целовал жену: сначала в веки, по очереди, затем в лоб и, наконец, в губы. Алтын пыталась сдерживать слезы, но они непроизвольно текли по ее щекам, делая ее еще прекраснее.

– Это не навсегда, милая, – успокаивал Яков, слегка дрогнувшим голосом.

– Конечно, Жаке, – сквозь слезы ответила Алтын. – Как только дом продам, так сразу и приеду. Паспорт у меня на руках, а Танечка даже билет на немецкую «Люфтганзу» оставила.

– Да сдался тебе этот дом! – раздраженно бросил Яков, сплюнув в сторону.

– Не начинай, – спокойно ответила жена, ласково поглаживая его плечо. – Мы же все обсудили. Бесплатно он Иси-нам не достанется. Это уже вопрос чести нашего рода. Тебе с детьми здесь оставаться опасно. А меня аксакалы в обиду не дадут.

Яков понимал, что спорить бесполезно. Алтын напоминала ему ту девятнадцатилетнюю упрямую дикарку, играющую с мальчишками в лянги.

Казахские женщины были известны своей независимостью и внутренней силой. Пока мужчины кочевали с табуна-

ми и отарами, женщины оставались защитницами дома – не в переносном, а в самом прямом смысле.

Не в силах изменить обстоятельства или переубедить супругу, Яков решил обратиться за помощью к влиятельным людям. В очередном письме к дяде Алтын, отставному полковнику КГБ Данде Шукенову, он описал, как братья Исины творят беспредел в поселке.

Шукенов приехал в Аккемир с парадной выправкой, в сопровождении бывшего директора совхоза «Пролетарский». Первым делом они направились в контору элеватора. Ходили слухи, что директор, не теряя времени, приставил дуло пистолета ко лбу заведующего и потребовал, чтобы его сыновья прекратили наводить страх на поселок. Как было на самом деле, никто не знал, но с тех пор жизнь в поселке стала чуть-чуть спокойнее.

– О! – Алтын вдруг напряглась, глядя в сторону реки. – Смотри, не мы одни не спим.

Яков повернул голову в указанном направлении.

бывший рабкоповский магазин

По тропинке вдоль весеннего разлива реки к ним медленно двигалась хрупкая старая женщина. С вершины холма она казалась черным муравьем с белым платочком на голове.

– Ассалам алейкум! – тяжело переводя дух, на мусульманский лад пожелала «Мир вам» Амалия, поднимаясь на бугор.

– Аалейкум ассалам! – отозвался Яков и жестом пригласил ее присесть. – Присаживайся к нам, Амалия-апа.

– А это что за художества? – хмыкнула соседка, останавливаясь у скамейки и тыкая своим костылем в ее спинку.

На почерневшем от времени дереве были свежие вырезанные буквы: «Хабхабыч + Алтын».

Все дружно рассмеялись.

– Я это не писал! – категорически заявил Яков, поднимая руки в шутовском жесте протеста.

Алтын скрыла свою улыбку, спрятав лицо в рукав, но глаза весело сверкнули.

– Немыс ага, что означало дядя немец, тебя тут и так долго помнить будут! – с пафосом произнесла Амалия, качая головой.

Она вновь подняла костыль и указала им в сторону железнодорожного вокзала:

– А сидеть нам, похоже, особо некогда. Глянь-ка туда!

По тропинке, ведущей от вокзала, к ним приближались Таня и Виктор.

– Целуй Малю! – вдруг подтолкнула Алтын мужа в бок, поддразнивая. – В губы целуй! Кто знает, повезет ли тебе еще раз ее встретить.

Яков рассмеялся, но глаза его были полны тепла и грусти.

Солнце уже полностью поднялось над горизонтом, озаряя своими лучами степь, покрытую первыми яркими красками весны. Оно гордо высилось над миром, словно исполин, готовый воспевать новый день. Его свет разливался повсюду, придавая утреннему воздуху ощущение вдохновения и надежды.

– Нам надо будет скоро выезжать, – объявил Виктор, при-

ветствуя всех собравшихся легким кивком.

– Я свежий чай заварила, – Таня, улыбаясь, подхватила женщин под руки. – Выпьем на дорожку, как положено.

В доме действительно уже ждал щедро накрытый дастархан. Стол ломился от угощений: сухофрукты, лакомство к чаю - вручную обработанное просо - тары и в муку дробленая тары - талкан, печенье, курт, конфеты, мед и варенье, сливочное масло, сыр, ароматная колбаса казы. На краю стола уютно устроился фарфоровый заварочный чайничек, испускающий тонкие струйки пара, рядом с ним – эмалированный чайник с кипятком и пиала со свежими сливками.

Таня с ловкостью, приобретенной благодаря свекрови, разливала чай по-казахски. Она добавляла в кисайки ложку сливок, затем крепко заваренный чай, а в самом конце – немного кипятка. Густой карамельный оттенок напитка свидетельствовал, что чай приготовлен правильно.

Яков сидел за столом, внимательно наблюдая за каждым движением рук невестки. Он хотел запомнить этот момент во всех деталях – свет солнца, падающий на стол, угощения, уютный шум кухни. Его сердце сжималось от осознания, что это их последний совместный завтрак в родном доме.

– Таня, ты не забудь передать Ёсе мои гостинцы, – вывела его из раздумий Амалия.

– Баб Маль! – Таня демонстративно закатила глаза, опуская руки на колени. – Вы уже в пятый раз мне это говорите! Мы же останавливаемся у Иосифа в Москве. Конечно, я пе-

редам вашу посылку.

– Там главное – носки. Шерстяные, – с беспокойством уточнила старушка. – У него ноги мерзнут постоянно.

Чаепитие было коротким, но теплым. За окном послышался гудок подъехавшего автомобиля.

– А кто там за рулем? – негромко спросил Яков у сына, выходя за ворота с небольшим чемоданом в руке.

– Мирболат Сексенбаев, – так же тихо ответил Виктор. – Он родом из Аккемира, сейчас в райцентре живет.

– Доброе утро, немыс ага! – Мирболат подскочил к Якову и, улыбаясь, обеими руками пожал его правую кисть, в которой тот держал чемодан. – Давайте, я помогу вам.

– Рахмет! – ответил старик, прижимая багаж к груди. – Нет-нет, я сам, он легкий.

– С брильянтами, что ли? – с улыбкой пошутил Мирболат. – Вы, наверное, меня не помните. Я тогда совсем маленький был, когда вы моему деду мотоцикл восстановили. Он ведь после аварии вдребезги был.

– Вот как! А сегодня ты нам помогаешь. Так и должно быть в жизни, – философски заметил Яков, пытаясь припомнить род Сексенбаевых. За долгие годы сотни мотоциклов прошли через его руки, и неудивительно, что он не помнил всех.

– Есть еще хорошие люди в Казахстане, – с теплотой добавила Таня, подходя с двумя чемоданами. Она вспомнила, как жена родного брата Мирболата выручила ее, даже нарушив закон, обменяв рубли на доллары по хорошему курсу.

Яков улыбнулся, но в его взгляде было что-то невесомое,

словно он мысленно уже прощался не только с домом, но и с целой эпохой своей жизни.

Настало время прощаться.

Яков подошел к жене. Алтын стояла у калитки с прижатыми к груди руками, глядя куда-то вдаль, словно ища поддержки в бескрайнем горизонте. Он нежно обнял ее, чувствуя, как тяжело и хрупко она дышит. Правой рукой она провела по шраму на его лице – старой памяти, символу их совместных испытаний.

Старик был готов стоять так вечность, пока ноги держат, удерживая в объятиях свою Алтын, как будто этим мог защитить их обоих от надвигающегося расставания. Алтын на вид оставалась спокойной, но лишь Бог ведал, что творилось в ее душе в эти минуты.

Виктор, заметив затянувшийся момент, мягко подтолкнул отца:

– Папа, давай...

– Gute Reise! – на немецком пожелала счастливой дороги Амалия, протягивая худую руку Якову.

Он крепко пожал ее ладонь обеими руками, будто передавая через этот жест всю свою заботу и тепло.

– Береги себя, – ответил он, – вы с Алтын смотрите друг за другом.

Виктор подошел к матери. Молча обнял и поцеловал в щеку. Его жесты были сдержанными, но искренними. Амалию он тоже быстро обнял, слегка смутившись.

– Мама, – обратилась Таня к свекрови, подходя ближе и крепко прижимая ее к себе, – ты за дом особо не торгуйся. Соглашайся на любую цену.

– Деньги не главное, доченька, – сквозь слезы согласилась Алтын, кивая. Впервые Таня назвала ее мамой, и это слово прозвучало для нее как музыка. – Лишь бы дом наш достался хорошим людям.

Таня кратко обняла и Амалию. Уже подходя к задней двери «Волги» и открыв ее, она вдруг остановилась, словно вспомнив что-то важное. Вернувшись к свекрови, она тихо прошептала, прижавшись щекой к ее лицу:

– Ты поторопись с приездом... Я ведь беременна.

– Опырма! – казахским возгласом удивилась Алтын, всплеснув руками от радости.

Таня, улыбаясь, приложила палец к ее губам.

– Тихо, мама. Пока никто не знает.

Последний раз все трое – Яков, Виктор и Татьяна – застыли в проеме открытых дверей автомобиля. Лишь теперь, в этот момент расставания, стало до конца ясно, как тяжело покидать родные места. Их взгляды блуждали между друг другом и родным двором, в котором они оставляли частичку своих душ.

Легковушка медленно тронулась с места, вывернула на дорогу и покатила к железнодорожному переезду. Вскоре она скрылась из виду в клубах поднятой пыли, оставив позади тишину, наполненную болью и надеждой.

учитель химии Бухамер Ида Васильевна с детьми - Лена, Павел и Оля Бредгауэры

Не успела осесть за умчавшейся в райцентр "Волгой" дорожная пыль, а Алтын уже торопилась и, почти силком, потащила за собой восьмидесятилетнюю Амалию в сторону вокзала.

— Да не беги ты так, молодуха, — на ходу ворчала Амалия, пытаясь успеть за своей энергичной подругой. — Тут идти-то три минуты. А Яшин поезд только через три часа

здесь пройдет.

— Кому ты рассказываешь? — Алтын резко остановилась и, уперев руки в бока, уставилась на старушку. — Как будто я сама не знаю расписания поездов. Кто из нас, ты или я, работала начальником станции?

— Ты только на бумаге там числилась, — хитро прищурилась Амалия. — Мы-то знаем, что твой Жаке за тебя пахал.

— Ну что за люди! — наигранно возмутилась Алтын, хлопая себя по подолу кафтана. — Понапридумывают, лишь бы покритиковать.

— Ты лучше скажи, почему на нашей станции пассажирские поезда перестали останавливаться? — Амалия сняла платок, вытирая им вспотевшую шею. Седая коса обрамляла ее лицо, будто серебряная корона. — Ведь раньше три-четыре в сутки здесь тормозили. Помнишь, наша Нина Гамарник на перроне пирожки пассажирам продавала?

— После ее пирожков с прокисшей капустой пассажиров, видимо, «тормозило», — фыркнула Алтын, прикрывая рот ладонями, чтобы сдержать смех.

Амалию тоже разобрал смех. Утирая слезы тем же платком, она все же вернулась к разговору:

— Парадокс получается. Чтобы сесть на поезд, нужно сначала час по разбитой дороге добираться до районного вокзала, а потом ехать мимо своего Аккемира.

— Такая теперь логистика, — пожала плечами бывшая начальница станции, в ее голосе прозвучала горечь.

Женщины вошли в небольшой привокзальный сад. Высокие деревья спасительно укрыли их в тени. Тополиные почки густо усыпали дорожки, их медовый аромат наполнил воздух, а над ними лениво кружились шмели. В центре сада белел фонтан, давно уже не работавший как прежде. Из его ржавых труб капала вода, словно плача о своей заброшенности.

— Михайло не стало, и никто не берется починить насос, — укоризненно покачала головой Амалия, поглядывая на жалкую струю. — Молодежь то ли не умеет, то ли не хочет.

— Так было бы за что... — откликнулась Алтын. — Молодые умнее нас стали, задаром работать не собираются. Нашим железнодорожникам уже год зарплату не платят.

Алтын сняла головной убор, расстегнула верхние пуговицы платья и, раскинув в стороны две тугие черные косы, подошла к фонтану. Она ополоснула ладони и поднесла их сложенными лодочкой к Амалии:

— Пей.

Амалия охотно утолила жажду.

Алтын наполнила ладони второй раз и с наслаждением умыла лицо, оросила волосы и косы. Потом, напившись, облегченно опустилась на скамейку под тенью старого карагача.

— Теперь ты понимаешь, куда я так спешила? — с легкой улыбкой спросила она.

— А я было решила, что ты одумалась, — ухмыльнулась Амалия.

— В смысле?

— Представила себе, как ты сейчас взберешься на водонапорную башню, дождешься поезда и сиганешь к своему Жаке на вагон.

Алтын отмахнулась:

— У тебя фантазий больше, чем кур в сарае.

— А вот мозгов тебе точно не хватает, — серьезно добавила Амалия. — Почему ты отпустила Якова и детей одних? Дом этот сто раз важнее семьи?

— Дом тут ни при чем, — тихо ответила Алтын, опустив глаза.

— Так ты же другое говорила! — Амалия недоверчиво уставилась на подругу.

— У меня рак, — еле слышно произнесла Алтын, а потом не сдержала слёз.

Амалия замерла. Сердце забилося тяжелым колоколом. Казалось, что она забыла, что такое дышать. Она молча взяла подругу за руку, ее костлявые пальцы осторожно обхватили ладонь Алтын.

Надо понимать, что означает взять человека за руку. Это движение важнее, чем все объятия и поцелуи, и его обычно дарят только самым близким людям. Рука в руке порой сильнее всех остальных жестов и эмоций, ибо это самая неподдельная и прочная молчаливая поддержка в минуты челове-

ческого горя и одиночества.

Амалия, наверное, как никто другой знала, что такое смерть и что она неизбежна. Именно поэтому она даже не попыталась успокаивать Алтын, а лишь дала подруге почувствовать, что она рядом и постарается облегчить ее последние дни жизни.

Так они и сидели, не произнося ни слова. Только ветер шептал свою песню в ветвях карагача, пока вдали не раздался гулок приближающегося скорого поезда.

На вокзале Кандагача семья Шмидт сердечно поблагодарила Мирболата и попрощалась с ним.

— Передавайте привет всем нашим немцам в Германии, — сказал на прощание парень, с искренней улыбкой сжимая руку Якова. — Я вот тут купил у одного немца дом, скотину и бахчу. Эта «Волга» мне тоже от немца досталась. А если у меня столько немецких вещей, то я, считай, теперь ваш! Витя, пришлешь мне вызов на ПМЖ в Германию?

— Заведи себе еще немецкую овчарку, — с веселым смехом вмешалась Таня. — Вот тогда смело можешь записываться немцем.

Ляйбрант Елена с внучкой и дочерью Мариной Рышкиной

Поезд до Москвы предстояло трястись почти двое суток. У Якова и Тани с Виктором оказались места в разных вагонах, и это обстоятельство неожиданно обрадовало Якова. Ему хотелось побыть наедине с собой, с мыслями и горечью прощания.

Свисток проводника разорвал тишину перрона. Поезд дрогнул и медленно начал двигаться, набирая скорость. Двери вагонов закрывали уже на ходу. Через двадцать минут они

проедут Аккемир.

Яков встал у окна тамбура, прижался правым глазом к мутному стеклу, покрытому разводами грязи. Просторная степь раскинулась перед ним, и вдали, как маяки, засияли в свете заходящего солнца десятиметровые водонапорные башни.

Скоро показалось здание вокзала Аккемира. Сердце болезненно сжалось, когда взгляд Якова выхватил из дали две крохотные фигурки — Алтын и Амалию. Они стояли рядом, казавшиеся такими хрупкими на фоне бескрайней степи.

Старушки не могли разглядеть его лица за окнами мчащегося скорого поезда, но, словно чувствовали, махали ему на прощание. Высоко поднятые к небу руки их двигались плавно и неторопливо, как колосья пшеницы под ласковым ветром. Они махали долго, пока поезд не скрылся за лесополосой карагача. Даже тогда, когда вдали остались только мерцающие огоньки вагонов, они не опустили рук.

Яков стоял как окаменелый. В одну короткую секунду за стеклом промелькнула вся его жизнь: бескрайние равнины казахстанского Аккемира, тихий Илек с его белоснежными известняковыми берегами, дом, что он строил своими руками, улыбки друзей всех национальностей, казахов, русских, украинцев, татар, и, наконец, эти два дорогих сердцу человека.

Ему хотелось рвануть стоп-кран, спрыгнуть с поезда, броситься назад, в объятия прошлого. Но в его памяти, как гул

колес, звучали последние слова Алтын:

— Ты должен вывести детей в Германию...

Поезд исчез за горизонтом, оставив лишь дымку вдаль.

Алтын и Амалия беспомощно опустились на колени. Алтын, захлебываясь слезами, неустанно гладила Амалию по голове. Серебряные кольца на ее смуглых пальцах дрожали в свете вечернего солнца, гармонично переплетаясь с побелевшей косой немки.

— Курбым-жаным! Моя ты самая близкая подруга! — шептала она, словно молитву. — Ты только меня одну не оставляй. Пожалуйста!

— Куда же я тебя брошу, девочка моя? — тихо ответила Амалия, ее голос был полон горечи и утешения. — Мы ведь дважды породненные души.

Слезы, смешанные с пылью ветра, растворялись в безмолвной вечерней степи.

Ночи без стен

Были времена, когда в Аккемире не существовало замков. Они, конечно, висели на дверях государственных заведений, магазинах и складах. Но обычные люди жили без страха за свое добро и личную жизнь.

Сейчас в это даже трудно поверить. Что же давало людям это чувство безопасности?

В особенно жаркие летние месяцы многие аккемирчане спали под открытым небом. Одни расстилали постели прямо на телегах, оставленных во дворе. Другие забирались на

плоские крыши мазанок, спасаясь от зноя, скопившегося в стенах за день. Были и те, кто просто выносил кровати во двор, наслаждаясь прохладным ночным воздухом.

Амалия с вечера приготовила себе постель на небольшом топчане, что стоял под ветвистым тополем. Редкие дуновения ветерка все же приносили долгожданную свежесть, унося с собой дневную духоту. Засыпая, можно было слышать, как где-то далеко переговариваются ночные птицы, шуршат листья на ветру и редкий прохожий негромко напевает под нос старую песню. Мир был спокоен. И в этом спокойствии скрывалось то самое чувство безопасности, которое когда-то было естественным, как дыхание...

Привычную тишину ночи неожиданно нарушил скрип несмазанных петель калитки. Амалия насторожилась: кто-то собирался войти во двор.

Прижимая к себе подушку, старушка бесшумно поднялась с топчана и, едва касаясь земли, прошла к углу своей мазанки. Осторожно выглянула из-за стены.

В лунном свете она разглядела высокую темную фигуру, приближающуюся от калитки. По остроконечному покрытию головы и широкому подолу платья Амалия догадалась, что это женщина. Это немного успокоило ее. Набравшись смелости, она негромко спросила:

— Кто там?

— Это я, Ольга, — отозвалась подруга низким, почти басовитым голосом.

— Что случилось?

— Да просто так... решила навестить тебя.

— Посредь ночи?

— Днем некогда.

Ольга оглянулась, будто опасаясь быть замеченной, затем быстро обошла Амалию и села на завалинку у стены дома.

— Чего стоишь? — шепотом позвала она хозяйку. — Подойди, поговорить надо.

Амалия присела рядом, улыбнувшись:

— Ну и нечисть ты! Дневного света боишься?

— Да днем ни минуты свободной! — перевязывая по дороге сбившийся платок, жаловалась подруга. — Сама знаешь, какая у меня орава.

Она поспешно выдохнула, расправляя складки на фартуке.

— Плюс две столетние бабушки: моя и мать мужа Эдика. Последняя вообще ослепла, но все равно норовит по дому помогать.

Подруга покачала головой и, закатив глаза, добавила:

— Больше вреда от этой помощи! Недавно поставила на печку повидло варить. Потом пробую... Думала, что слива неудачная попалась или уже успела скиснуть. А оказалось — мать егошняя вместо сахара полпачки соли туда бухнула!

Она возмущенно всплеснула руками.

— Жалуется, что я экономлю! А ей бы послаще хочется.

Она на секунду замолчала, будто собираясь с духом, а по-

том махнула рукой:

— И того хуже!

— Что еще? — насторожилась собеседница.

— Задумала я вскипятить белое белье. Поставила воду греться, настругала туда хозяйственного мыла... А эта слепая «помощница» взяла и бухнула в чан полтора килограмма риса!

— Говорит, что мои супы слишком жидкие! — Ольга хлопнула себя по колену и рассмеялась.

Семья Вуккерт жили на окраине Аккемира, у элеватора, рядом с совхозными мастерскими. Эдуард работал там токарем и слесарем. Когда пришло время выйти на пенсию, его место формально заняла многодетная и вечная домохозяйка Ольга, чтобы получить хоть какую-то пенсию. Но на самом деле работу продолжил Эдуард.

Вуккертсы были известны своей набожностью. У них дома никогда не было радио, телевизора и даже газет, за что их часто упрекали на совхозных собраниях.

— Так мы же неграмотные, — оправдывался Эдуард. — А вот дети у нас — отличники. В школе и библиотеке много читают, фильмы в клубе смотрят. Я им на это никогда денег не жалею. Они у нас и октябрята, и пионеры, а старшие уже в комсомол вступили. Что вам еще от нас надо?!

Что правда, то правда: Катрин и Эдуард не могли ни читать, ни писать на русском языке. Зато их родной немецкий оставался безупречным. Они не только сами сохраняли знание языка, но и настойчиво обучали ему своих детей, вкладывая в это много времени и сил.

Мало кто знал, что практически каждое воскресенье у Вуккертов дома проходило чтение Библии хором. Этот день был для семьи особенным и тщательно оберегаемым. С раннего утра ворота их двора оставались закрытыми, а ближе к обеду наглухо затворялись и оконные ставни. Кстати, в поселке ставни были только у Вуккертов — возможно, они сами придумали их сделать, чтобы сохранить уединение.

В это время в соседнем доме, как по заранее оговоренному плану, дочь Шандоз — лучшая подруга старшей дочери Вуккертов — специально включала магнитофон. Музыка звучала настолько громко и весело, что любопытные прохожие, если и слышали какие-то звуки из дома Вуккертов, сразу списывали это на обычное соседское веселье.

Амалия старалась не пропускать эти собрания. Попасть на них могли далеко не все. Только самые близкие друзья семьи допускались к этому священному ритуалу.

Это было не просто заучивание строк из священной книги. Каждое слово сопровождалось размышлениями и обсуждениями, часто подкреплялось примерами из реальной жизни. Участники делились воспоминаниями о прожитых испытаниях, судьбоносных моментах и трудностях, которые пришлось преодолеть.

Ольга, сидя в центре комнаты с открытой Библией на коленях, всегда начинала первой. Ее низкий, хрипловатый голос наполнял комнату. Она читала медленно, с чувством, делая паузы, чтобы другие успели вдуматься в слова. Эдуард, несмотря на свою молчаливость, иногда добавлял короткие комментарии. Он говорил редко, но каждый раз метко, словно каждое слово было выверено годами размышлений.

Особенно впечатляли детей рассказы о судьбоносных моментах, когда, казалось, все шло к краху, но вера помогала выстоять. Ольга часто вспоминала, как в суровые годы голода и лишений немецкие женщины за колючей проволокой

находили силы не отчаиваться, заботиться о детях и не терять надежды на лучшее.

— Мы пережили многое, — говорила она, внимательно глядя на собравшихся. — Но помните: вера — это наше главное оружие. Она делает нас сильнее.

Атмосфера этих собраний была пропитана теплотой и спокойствием. Даже те, кто приходил туда впервые, ощущали себя частью чего-то великого, почти мистического. В таких моментах вера становилась не просто религией, а настоящей жизненной опорой.

После чтения и обсуждений женщины готовили на стол простую, но вкусную еду. Воскресное угощение завершало эти душевные встречи, оставляя ощущение близости и уюта.

Так, в маленьком доме у дальней стены совхозного элеватора, под прикрытием шумной музыки соседей, происходило нечто поистине значительное — сохранялась культура, поддерживалась вера и передавались ценности, которые помогали немцам переживать самые трудные времена...

Николай и Александр Шук

Родина

— Не знаю, как вам, а для меня родина — это тот уголок, где стоит моя кровать, где я сегодня буду спать, — любила повторять Амалия. — Так меня мама, покойная Мария-Магдалена, научила.

Присутствующие на тайном молебне в доме семьи Вуккерт, взрослые, с горечью опускали взгляд, апатично пожимали плечами и в знак беспомощности разводили руками. Детские глаза с нескрываемым любопытством настойчиво

изучали лица старших. Ребята инстинктивно ждали, что кто-то возразит бабушке Мале.

— Я правильно понимаю, что твоя мама не считала родиной конкретное место рождения — скажем, поселение или страну? — обратился к Амалии Эдуард. — Для нее это было что-то большее, чем запись в метрике? Возможно, что-то символическое?

— Не думаю, — покачала головой Амалия. — Просто место, где можно спокойно уснуть.

— Ага, вот ты сама себе и противоречишь, — довольно потер ладони Эдуард. — В слове «спокойно» и кроется ответ. Родина — это чувство дома и семьи, безопасности и мира.

— Но ведь в заключении ты тоже мог спать спокойно, — парировала Амалия. — Там же тебя хорошо охраняли. Ну, если не считать истории с крысой.

— Тюрьма, зона, острог или место ссылки никогда не могут называться родиной, — тяжело вздохнув, с горечью произнес Эдуард, нахмурившись. — Даже для тех детей, кто родился там. Это всегда останется местом изгнания и наказания. Да, я там спал. Спал как убитый — от изнурительного труда и голода. Но не спокойно. Мыслями я был далеко, рядом с родителями и моей женой.

— Я где-то читал, — поддержал разговор старший сын Вуккертов, — что родину должно хотеться защищать. Безусловно! А нашего отца почему-то не пустили на фронт. По-

сле войны немецких парней вообще долгое время не брали в советскую армию.

Собравшиеся промолчали.

Эдуард грустно обвел взглядом домочадцев и гостей, потом твердо произнес:

— Вряд ли наши дети могут считать Аккемир своей настоящей родиной. Мы здесь все ссыльные. Как бы дружно мы ни жили с казаками, это их земля, а нам она чужая. Немцам здесь не позволят жить по нашим правилам, сохранять нашу культуру, религию и традиции. Ассимилироваться — да. Остаться немцами — нет...

— И где тогда, по-твоему, теперь наша родина? — тихо спросила Амалия.

— Родины у нас больше нет, — тяжело сказал Эдуард. — Нас ее лишили. И, скорее всего, навсегда...

На пороге будущего

Здание двухэтажного Дома культуры Аккемира выглядело жалко и уставше. Некрасивое, сложенное из серого кирпича, оно стояло с выбитыми окнами, заткнутыми чем придётся — горбылем, обломками фанеры, кусками ДСП. А ведь ему было всего-то чуть больше десяти лет. На этом фоне исторические сведения о сооружениях, переживших не одно тысячелетие — египетских пирамидах, Великой китайской стене, том же московском кремле, — казались преувеличенными легендами.

Поздняя осень обнажила карагачи, посаженные вокруг

клуба. Их скрюченные ветви тянулись к небу, придавая месту еще большую унылость.

Перед входом стоял конусообразный голубой памятник с облезшей красной звездой на верхушке. Время покрыло его бордовой ржавчиной, оставив лишь намек на былую торжественность.

На широком подобии крыльца под ржавым навесом, собралась группа в основном из женщин. Среди них заметна была лишь одна фигура мужчины. На вид ему было около двадцати пяти лет. Строгое длинное черное пальто, клетчатый шарф из мягкого мохера и норковая шапка резко выделялись на фоне платков и простой одежды сельчанок.

Литые чугунные ручки дверей местного очага культуры были несколько раз обмотаны металлической цепью и заперты на огромный висячий замок. Чуть выше, на обшарпанной поверхности, висел яркий плакат:

“Новая жизнь — Neues Leben. 10 ноября 1990 года, в 15:00, в Доме культуры состоится выступление корреспондента центральной газеты немцев СССР.

Приглашаем всех желающих.”

семья Фишер

– Клуб нам точно не откроют, – громко заявила пухленькая девушка, с почтовой сумкой через плечо, поживаясь от холода. – Ты начинай уже свое собрание, а то мы тут зря мерзнем.

Москвич, держа в руках свернутую газету, неуверенно оглядел собравшихся.

– Да, конечно, Вера, – заговорил он, – Но очень странно получается – в сельсовете мне официально разрешили про-

вести встречу. А соседи потом видели, как председательша собственноручно срывала мои плакаты.

– Казахам или русским здесь бы красную дорожку постелили, – зло прошипела одна из женщин. – А немцев можно как баранов на морозе держать!

– Мы сами в этом виноваты, – подала голос Полина Андреевна Найгебауэр. – Прячемся, неорганизованные. Глянь, сколько нас тут собралось! На пальцах пересчитать можно. А вот если казахи клич кинут – сразу вся степь поднимется.

– Теть Поля, давайте не будем его перебивать, – попросила почтальонша Вера Фишер, явно желая, чтобы эта встреча прошла как можно быстрее.

– Циммерманн, – обратилась она к москвичу, – что конкретно ты от нас хотел?

– Призываю объединяться, – оживился журналист. – У нас есть люди, которые еще после войны обратились к самому Сталину с просьбой восстановить республику немцев Поволжья. Тогда зародились первые ячейки общества “Возрождение”. Сегодня мы зарегистрированы почти в каждой области. Подписывайтесь на немецкие газеты, вступайте в наше общество “Wiedergeburt”.

– Газеты, это хорошо, – поддержала учительница немецкого языка.

– Да брось ты, мам! – тяжело вздохнула стоящая рядом ее дочь Ида. – Бумагой былую смелость не воскресишь. Да и сдалась нам та республика. Мы же из немцев Украины.

– Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья была центром и гарантом для всех немцев СССР, – пафосно произнес Циммерманн. – Там готовили преподавателей для немецких школ всей страны, журналов для немецких газет и журналов, работников культуры для немецких клубов и театров.

– Да мы уже и язык свой забыли, – со вздохом и горечью произнесла одна из женщин. – Скажи лучше: как можно свалить в Германию?

Толпа застыла. Все разом умолкли, испуганно переглядываясь.

– У нас на людях про это не говорят, – тихо прошептала Ида.

– А почему? – с вызовом спросил тот же голос. – Как никак перестройка. Поди официально разрешили демократию.

– Если казахские молодчики, братья Исины, узнают, куда ты собралась, – мрачно произнесла женщина в кроличьей шубе, – враз и дом, и скотину у тебя отберут.

Предупредив, она, даже не попрощавшись, поспешила покинуть собрание.

– Хватит страх наводить! – вмешалась румяная Вера. – Здесь все свои. Ёся, что конкретно нужно, чтобы уехать?

Группа тесным кольцом окружила москвича. Циммерманн терпеливо объяснял, где достать немецкие бланки, как заполнить тридцатипятистраничное заявление, какие документы приложить, как получить визу и оформить билеты.

– И все же наше общество призывает вас остаться жить здесь и добиваться восстановления немецкой республики, – с надеждой сказал московский агитатор, переводя взгляд с одной женщины на другую.

– Поздно, – махнула рукой Полина Андреевна. – Половина наших родственников уже в Германии. Смысл оставаться, если все, кто дорог, давно уехали?

– Вы, как хотите, а мне домой пора, – объявила Вера, запахивая свое пальто.

За ней дружно последовали и остальные. Переговариваясь вполголоса, женщины исчезли в темноте улиц Аккемира. Московский журналист остался стоять один, задумчиво глядя вслед уходящей группе. Его плечи поникли, а в глазах отразилось разочарование. Он, как никогда прежде, ясно осознал: эта встреча, как и все старания его газеты и усилия общества «Возрождение», уже не в силах исправить или остановить исход советских немцев.

Аэропорт города Актюбинска в девяностые. Лето. Большая степь за взлетной полосой дышит жарой, а в зале вылета витает дух прощания и тревоги, которую никто не называет вслух.

Провожать семью Найгебауэров в Германию приехали люди, которые были значимыми и уважаемыми в Аккемире, — бывшие директора совхоза «Пролетарский» Куандык Зинешевич Алишев и Булат Галимович Мулюков. Не родные, не

самые близкие, но те, кто за многие годы стал частью жизни поселка и оставил добрый след в судьбах местных семей. Из Аккемира их привез Елюбай Исенгарин — давний знакомый.

У стойки регистрации говорили негромко, почти шепотом, хотя никто так и не произнес главного — что жизнь разводит их по разным странам и, скорее всего, навсегда.

— Дай бог вам там удачи...

— Пишите, не теряйтесь...

— Мы вас будем помнить...

Булат Галимович, обычно сдержанный, обнял Эдуарда крепко, по-мужски:

— Пусть на новом месте вам будет легче. Главное — держитесь вместе.

Куандык Зинешевич долго держал руку Полины Андреевны, будто хотел передать с этим все, что не умеют выразить слова:

— Вы хорошие люди. Где бы ни жили — добро вас найдет. Елюбай стоял чуть в стороне, молчал, и только когда объявили посадку, тихо произнес:

— Эх, Аккемир без вас уже не тот будет...

Семья поднялась по трапу. Полина Андреевна оглянулась: друзья, земля, степь, знакомые лица — все сжалось в один последний кадр. Она тихо промолвила:

— Ну что... теперь уж точно домой.

Слово «домой» прозвучало странно, с привкусом горечи. Домой — но не туда, где родились и прожили жизнь. Домой — но снова на чужбину и в неизвестность.

— Главное, что теперь по собственной воле, — добавила она.

Самолет взревел, побежал по полосе и вскоре стал маленькой серебристой точкой над степью. А те, кто провожал, стояли до последнего — пока точка не исчезла. Ведь вместе с ней уходила в прошлое целая эпоха...

5 июля 2015. Нюрнберг. Юбилей Иосифа Циммерманна Шежере

Актюбинский аэропорт гудел низким, знакомым всем шумом — запах керосина тянул от летного поля, двери на улицу хлопали, впуская полосы холодного ветра. Под потолком шипела радиоточка:

— Құрметті жолаушылар... Уважаемые пассажиры... — и дальше сливалось в общий гул.

Гуко и Роза Нюрнберг с сыновьями

Булат Галимович Мулюков обнял ровесника — высокого, статного, с вихрем поседевших кудрей. Пальто Гуко Бертольдовича Нюрнберга, еще недавно управляющего отделением «Жарык» совхоза «Пролетарский» было тщательно застегнуто, рядом стоял старый чемодан с наклейками.

— Ну что я могу сказать, — Булат говорил негромко, не

спеша, будто отмеряя каждое слово. — Нам вас, товарищ Гуко, будет очень не хватать. Не секрет: где наши немцы работали — там был всегда порядок. Зря уезжаешь, друг мой.

Гуко усмехнулся уголком губ, отмахнулся ладонью, как от назойливого дыма.

— Да кому это теперь нужно? Союз распался на куски. Каждая нация качает права для своих. А мы, немцы, — вроде как только помеха. Детей дразнят, что-то все время вымогают. Сколько можно?

— По-твоему судить... — Мулюков прищурился. — Скоро и мне, татарину, тут будет не место?

Гуго пожал плечами, развел руками — мол, не мне решать. В динамике над головой треснуло: объявили посадку на Москву.

Гуко Нюрнберг как всегда в центре семьи и села

— А помнишь, как мы «Жарык» после града а потом еще и засухи поднимали? — спросил Булат, чтобы отогнать паузу. — Ночевали в тракторном боксе, чай из ведра пили.

— Помню, — кивнул Нюрнберг. — Жаль, что тогда план не смогли выполнить. Но рабочим вы все равно премию выбрали — тоже помню. Хорошее было время. Работа — трудная, но понятная.

Мимо прошагал милиционер, подглядывая за очередью к досмотру; молодая женщина в синей форме попросила пас-

сажиров готовить паспорта.

В руке у Гуко блеснул старый рожковый ключ “на 17” — гладкий от работы, с чуть сбитыми краями. Он сунул его Булату.

— Возьмите. Мой талисман. Теперь вам на память.

— Оставь себе, — отмахнулся тот.

— В Германии он не пригодится, — усмехнулся немец. — Работает только здесь, в нашем “Жарыке”.

Они снова обнялись — крепко, по-мужски.

— Передайте ребятам, — сказал Нюрнберг, — я не из трусости улетаю. Я за семью. Чтобы детям легче было.

— Передам, — кивнул Булат. — А ты... если надумаешь — дорога обратно не заросла. Понял?

Гуго поднял чемодан, еще раз глянул на друга и начальника:

— Берегите «Пролетарский», Булат Галимович. Здесь много нашего пота.

— Справимся, — спокойно ответил Мулюков. — У нас люди хорошие. И порядок будет.

Немец шагнул в автобус. За мутным стеклом он стал почти силуэтом — все тот же высокий, с кудрями, слегка сутулый от тяжести чемодана. Автобус рванул к самолету. В это

мгновение могло показаться, что уезжает не просто бывший управляющий — уходит целая эпоха.

Булат постоял, пока на взлетной полосе не загудели двигатели. Поправил воротник, засунул в карман ладонь с теплым металлическим «семнадцатым» ключом — и пошел к выходу. Впереди была дорога в Аккемир и работа, которая сама себя не сделает...

Блюмеништейн Иван, Остапенко Александр с Лизой и их

Саша, Нюренберг Иван с Розой и их дети Оксана и Вика

Весна только наметилась: снег в кочках потемнел, вода тонкими струйками уходила в землю, ветер тянул сыростью и прошлогодней пылью. На въезде в Аккемир Булат Галимович попросил шофера притормозить у христианского кладбища — зажатого между грейдером и железнодорожным вокзалом.

Он шагал меж оград — ржавая сетка, черные кресты, местами покосившиеся. Где-то эмалевые таблички с облупившимися буквами, где-то аккуратно подкрашенные фамилии, свечные стаканчики, пластиковые цветы венков. У некоторых плит — знакомые фамилии: люди, с кем когда-то вместе стояли на линейке у конторы, спорили на производственных, делили поломки и победы. У таких могил Булат задерживался дольше и снимал кепку.

— Знаешь, на что я сейчас обратил внимание? — сказал он негромко, будто в никуда, но так, чтобы слышал и шедший за ним по пятам шофер. — Наш Аккемир действительно с длинной, интересной историей. Вот тут... видишь? Самые первые захороненные — рождены в восемьсот восемьдесят четвертом. А железную дорогу на Ташкент здесь строили с девятьсот второго по девятьсот четвертый. Значит, когда их хоронили, им было около двадцати.

Он провел ладонью по холодному металлу ржавых кре-

стов, отступил на шаг, всматриваясь в едва читаемую строку.

— Нашу станцию, а раньше это был просто разъезд № 46, и поселок Аккемир строили приезжие, почти мальчишки, — добавил он, словно открывая для себя важную истину. — Вот они лежат теперь здесь, первопроходцы...

Он помолчал, а потом почти шепотом произнес:

— По какой причине погибли? Несчастный случай на насыпи? Хворь какая — тиф, воспаление после простуды? Или схлынул снег и утащил в балку... Кто его знает.

— Поехали уже, Булат Галимович? — попросил тихо шофер.

— Сейчас, — кивнул тот. Постоял еще у одной плиты, где на эмале почернели буквы имени, потом поправил на кресте ленточку, поднял с земли сбившуюся табличку, прислонил обратно. — Надо ребят из школы попросить, чтоб весной прошли, поправили, где косо... И в архив заглянуть бы, — добавил он уже в сторону, — понять, что с ними было.

На выходе он еще раз оглянулся: ряды крестов уходили по пологому склону к степи; над ними кружил, пробуя голос, первый жаворонок. Булат прикрыл глаза от ветра, вдохнул сырой воздух и пошел к машине...

На доме Булата и Софьи Мулюковых в Татарской Каргале, у самого входа, на побеленной стене разветвляется родовая летопись — древо шежере. По его ветвям — россыпь имен, дат рождения и смерти. Две строки сразу цепляют взгляд, знакомые почти каждому советскому человеку: Фарид Мустафьевич Сейфуль-Мулюков (1930–2016), журналист-международник и востоковед, один из ведущих «Сегодня в мире» и «Международной панорамы», и Бату Гатауллович Мулюков, композитор, многолетний преподаватель Казанского

института культуры, с 1991 года — профессор; ушел из жизни в 1999-м.

— У моего деда было две жены, — поясняет Булат Галимович. — Для дореволюционных времен дело обычное. Мой отец, Галим, — от первой, Садри; родители Фарида и Бату — от второй, Зайры.

— Младшая наша, Лейла, вся в Бату, — с материнской гордостью говорит Софья Юсуповна. — С самых ранних лет тянулась к музыке. А сын Руслан окончил летное училище гражданской авиации.

В шежере вижу: Гульнур Зиядиевна ушла в 1972 году.

— Мать часто и тяжело болела, умерла рано, ей было всего 64, — поясняет Булат Галимович. — Старшая сестра Роза тоже покинула нас. Раушан — в полном здравии, ей уже девяносто. Брат Марат живет в Казани; частенько болеет, ему давно за восемьдесят...

Ветви расходятся, связывая поколения — и становится ясно, что фамилия здесь не просто знак, а память, вписанная в известку и время.

«Бабай» по-татарски значит «дедушка». В семье Мулюковых теперь именно так чаще всего обращаются к Булату Галимовичу. Перефразируя известное выражение, можно смело сказать: бывших директоров совхоза не бывает. Весна для Булата Галимовича — всегда особая пора, и не только потому, что от посевной зависит годовой урожай. Бабай с Софьей Юсуповой, несмотря на преклонный возраст, все еще сажают огород. Пожилой мужчина часто вспоминает, как его отец в конце далекой зимы за тринадцать суток дошел пешком до казахстанской степи в поисках будущего для своих детей — и как одной из весен потомки Галима Шарафутдиновича Сейфуль-Мулюкова вернулись обратно в Татарскую Каргалу...

Ваучер на жизнь

После срочной службы в армии старший сын Мырзаша и Дәмежан Карагуловых — Саган — вернулся в родной совхоз «Пролетарский» и устроился трактористом. Работал с охотой, с каким-то внутренним упорством, будто сразу знал — нашел свое место. Со временем сумел организовать молодежную бригаду. Позже при поселковом Доме культуры открыл спортивную секцию, и там тоже все держалось на нем — на его энергии, настойчивости, умении увлечь. Саган был одним из тех, на кого равнялись — передовиком не по званию, а по сути.

8 марта 1977 года Саган женился. Его избранницу зовут Бибиғайша. Она приходится племянницей их соседям, Их-

тияровым, и родом из совхоза имени Калинина Иргизского района. Иногда приезжала погостить в Аккемир. Так, на одной из вечеринок, молодые и познакомились. На их свадьбе директор совхоза Куандык Зинешевич Алишев вручил жениху ключи от новой рабочей машины ГАЗ-53, отныне закрепленной за молодым шофером...

Вскоре, за добросовестный труд и активную организаторскую работу среди молодежи Сағана Карагулова наградили поездкой на Летние Олимпийские игры 1980 года в Москве. Такая честь выпала немногим: от всего Октябрьского района были удостоены лишь двое — он и первый секретарь райкома ВЛКСМ Амержанов. Несмотря на самую напряженную пору в совхозе — летнюю страду, когда работа не знает передышки, односельчане по вечерам все же тянулись к телевизорам — вглядывались в экраны с надеждой увидеть среди многолюдных трибун своего земляка, Сағана Карагулова. Конечно, среди миллионов гостей Олимпиады шансов на это почти не было. Но его отец, Мырзаш, верил. Почесывая руки, он всматривался в мелькающие лица и всякий раз оживлялся:

— Сейчас!.. Вот... Кажется, это он...

На следующий день, встречая людей на улице, с той же надеждой расспрашивал каждого:

— А вы видели моего сына?..

Его возвращение из Москвы было, пожалуй, еще более праздничным, чем сама Олимпиада. Он привез с собой большой чемодан, доверху набитый подарками и сувенирами. Оттуда буквально сыпались значки, вымпела и наклейки с изображением олимпийского Мишки. Сестрам достались джинсовые костюмы. В те годы такой костюм — юбка с жакетом — считался верхом моды, о нем только мечтали. Некото-

рым подарил наручные электронные часы со светодиодным дисплеем — тогда еще редкие, казавшиеся почти космическими, будто из другого мира. Саган не уставал рассказывать их историю, услышанную им в Москве: в 1974 году госсекретарь США Генри Киссинджер встретился с Леонид Брежнев. Во время беседы Брежнев обратил внимание на часы Киссинджера. Это были Pulsar P2 — одни из первых цифровых наручных часов. Советский генсек не без удовольствия заметил, что и в Советском Союзе подобная технология уже существует. И действительно, уже на следующий день он вручил американскому коллеге в подарок часы Б6-02, немало удивив его.

Наверно, это был июнь — тот самый, когда старшего сына, Сагана, поощрили поездкой на Летние Олимпийские игры в Москву. В те же дни отец, Мырзаш, впервые в жизни взял длительный больничный. Сначала казалось — отлежится, окрепнет. Но здоровье не возвращалось. С каждым днем он словно отступал — медленно, незаметно. Потом был перевод на легкий труд по инвалидности. Бумаги, путевые листы, бюллетени — все чаще заполняла за него Дэмежан. Он сидел рядом, молча, иногда только кивал, будто соглашаясь с тем, что уже нельзя было изменить. Дети не спрашивали. Даже боялись спрашивать. Но все понимали — по тому, как часто приходили врачи: поселковая Мария Кузьминична Дёмина и врач районной железнодорожной больницы Финс. Их

тихие разговоры, приглушенные шаги, долгие взгляды — все говорило само за себя. И все же никто в доме не допускал главной мысли. Даже в глубине души. Жили, как будто впереди еще много времени. Мать, Дәмежан, держалась спокойно. В семье — семеро детей, двое из них инвалиды. И ни одной жалобы, ни одного лишнего слова.

Он ушел в октябре. Ему было всего сорок четыре. Остаться без мужа, без опоры, без работы — с семьей детьми на руках — это страшно. Но Дәмежан Карагулова не сломалась. Никто не видел ее слез. Она стояла, как стоят деревья в степи — под ветром, под снегом, под зноем. Может быть, так ее научила собственная сиротская жизнь...

В том же году новый директор совхоза «Пролетарский» Булат Галимович Мулюков назначил Сағана Мырзашевича своим заместителем по хозяйственной части. А спустя несколько лет доверил ему руководство совхозным отделением Шевченко, насчитывающего тогда 87 дворов. Здесь Саған прожил и проработал управляющим четырнадцать лет. За эти годы отделение заметно укрепилось и повысило свои показатели. Росло поголовье скота, а вместе с ним — и надои молока. Саған сумел выбить в Москве разрешения и средства на строительство в Шевченко нового, большого МТМ — такого в районе еще не было. Вместо привычного кирпича решили использовать металлоконструкции — новаторское по тем временам решение опытного руководи-

ля. Их привезли из Каракалпакии.

— Классно было с ним работать, — вспоминает Виктор Щеркин, в те годы трудившийся в местной школе.

Жили-были, не тужили. Славили компартию. Громко рапортовали об успехах и о полных закромах Родины. Но в восьмидесятых вместо светлого и счастливого коммунизма страну угораздило свалиться в застой. Не помогла и гор-

бачевская перестройка. В считанные месяцы, буквально на глазах аккемирчан, развалился совхоз «Пролетарский». Все меньше работали, а чаще простаивали трактора и комбайны. Кончились запчасти. А вскоре и здание ремонтных мастерских развалилось. Все реже по вечерам светились окна в домах поселка Аккемир. На час-другой, и то нерегулярно, подавали электричество. Опустили полки поселкового магазина. Даже хлеб завозили из района теперь не каждый день. Перестали «крутить» фильмы в Доме культуры. Слабо и с перебоями отапливались школа, тот же ДК и даже детский сад. Вырубили на дрова совхозные яблоневые сады. Остались лишь низкие пеньки от стройных и высоких когда-то тополей, некогда украшавших улицу Советская. Сожгли в печах крашенные заборы палисадников. На вес золота стал кизяк — высушенный навоз. Оголенными ребрами торчали каркасы многочисленных бывших свинных и молочно-товарных ферм. Не пощадили перемены ни общественную баню, ни двухэтажное здание конторы совхоза. Разнесли их по кирпичику. Работать стало негде. Если раньше после окончания школы лишь часть выпускников сбегала из поселка в город, то теперь сельчане стали уезжать целыми семьями...

Земли и технику совхоза «Пролетарский» поделили между теми односельчанами, кто остался, методом пресловутых ваучеров.

— Хорошо хоть Мырзаш этого не видит, — тихо посетовала его вдова Дэмежан. Она на мгновение замолчала, глядя

в сторону старого карагача у дома, в тени которого когда-то любил работать ее супруг — главный бухгалтер совхоза.

— Да, слава богу, что не видит... — согласился старший сын Саган и, проведя рукой по затылку, добавил: — Хотя будь отец сейчас рядом... нам, наверное, было бы легче. Он всегда находил выход...

Мать удрученно кивала. И с каждым кивком голова ее опускалась все ниже.

— Он бы не дал разорить хозяйство ... — проговорила она. — Мырзаш каждую копейку считал, но не для себя — для совхоза, для людей...

Дэмежан взяла со стола ваучеры — не отдельные листки, а целую чековую книжку: блеклую, с гербом, плотной обложкой и тонкими страницами внутри, исписанными мелким, почти нечитаемым шрифтом. Чужая, непонятная бумага. В народе их все равно называли ваучерами — как в России. Только там это были отдельные чеки, а здесь — купоны в книжке, именные, не для продажи, а вроде как на долю... которую никто толком не понимал. Небрежно вертя ее в руке, она вслух размышляла:

— И что, прикажете, нам делать с этими фантиками?.. Вон некоторые пытаются на них водку в магазине купить. Так не берут. Продавщица говорит — это не деньги...

Саган осторожно выхватил у нее из рук ваучеры.

— Так ведь сказали — на них землю можно взять. Я уже оформляю нам участок.

Дэмежан посмотрела на него с легким, усталым недоверием:

— И что мы с ней делать будем?.. Бешбармак из нее не сваришь...

— Зерно посеем, — уверенно ответил ей сын.

Она прищурилась:

— А ты знаешь, как это делается?

— Видел же раньше... — молодой мужчина пожал плечами. — Поспрашиваем у людей. Научимся.

Дэмежан медленно кивнула, все еще глядя на ваучеры — будто пыталась разглядеть в этих бледных бумажках хоть какую-то опору для будущей жизни...

На все полученные ваучеры Саған приобрел несколько гектаров пашни вблизи отделения Восток. Знакомые, родные Карагуловым земли — будто сама память звала туда вернуться. Посеяли пшеницу. Почти все деньги, что были, ушли на семена да удобрения. Лето провели в поле — с утра до вечера, не разгибая спины. Боролись с сорняками, как умели, как могли. Учились на ходу, на своих ошибках. Но урожай вышел никудышный. Подвела и погода — стояла жесткая засуха. Колос редкий, шуплый. Даже убирать не стали — не на что было ни людей нанять, ни технику. Так и осталась стоять пшеница в поле — редкая, выгоревшая, забытая.

На следующий год не знали, с чего начинать. Ни денег на вспашку, ни семян. Все словно оборвалось. Саған даже не поехал туда — будто и смотреть было не на что. И вдруг однажды во двор прискакал чабан из тех краев.

— У вас там пшеница взошла... — сказал он, слезая с коня. — Зеленая. За километры поле видно.

Дэмежан удивленно развела руками:

— В смысле? Мы же в этом году не сеяли...

Старик усмехнулся в усы, как человек, который жизнь прожил на земле и ничему уже не удивляется:

— Қодырең это... — сказал он. — Был егін, не скосили — зерно осыпалось. Вот и взошло. Само. Дикая пшеница,

значит... Земля пустой не бывает.

Он помолчал и добавил:

— Алла жар болсын!

Дэмежан слегка кивнула. «Бог в помощь...» — так примерно это звучало по-русски. С детства знакомые слова, сказанные не раз — и в радости, и в беде. Только сейчас они прозвучали как-то иначе. Помощник... А где он был прошлым летом, когда выгорала пшеница? Когда она с сыном, не зная толком дела, пытались удержать то, что уже распадалось у всех на глазах?..

А поле тем временем жило своей жизнью. Природа рассудила по-своему. Близилась пора зерноуборки и урожай обещал быть на славу...

Саған стал в доме старшим — не только по возрасту, но и по ответственности. После смерти отца и развала совхоза он уже не ждал помощи ни от кого. Все, что осталось — мать, братья, сестры и земля, — он взвалил на свои плечи. И при этом у него была своя семья — жена и пятеро сыновей.

*На верху Саған и Света Карагуловы. Альпеш Әбдіқады-
ровна, Айнур, Ерпан, Дәмежан Джусуповна.*

Он говорил мало, но делал много. С утра — в поле, ве-
чером — расчеты, разговоры, прикидки. Все думал, как вы-
тащить своих, как не дать семье сгинуть в беспределе 90-х.
Когда стало ясно, что урожай будет богатым, он словно рас-
прямился. Однажды вечером, сидя во дворе, Саған позвал
среднюю сестру:

— Служан, вы с Казбеком переезжайте в город. В Димит-

рово делать уже нечего. Совхоз там тоже развалился.

Та удивленно посмотрела на брата:

— Куда переезжать?..

— В Актюбинск. — спокойно, но твердо сказал Саған. — Я вас устрою. Дом куплю, машину куплю, на работу определю. Я все сделаю.

Казбек молчал, переводя взгляд с жены на деверя, не до конца веря услышанному.

— Саған... — тихо сказала Служан. — Это очень дорого...

Он только рукой махнул:

— Дешево ничто не бывает. А делать все равно надо.

В этих словах не было ни бравады, ни обещаний — только уверенность человека, который уже решил...

В июле сестра с мужем перебрались в Актюбинск. А первого сентября пришло тревожное известие. Саған слег в районную больницу. Сначала думали — простое недомогание, переутомление. Но проходили дни, а ему становилось только хуже. Две недели пролежал в Кандагаче — без улучшения. Тогда родная сестра Света и двоюродная Салтанат Кушкенова, уже работавшая медиком в Актюбинске, решили повезти больного в Актюбинск. Туда, куда он совсем недавно отправил других — в надежде на лучшую жизнь...

1 октября, 1998 года Саған умер.

— Как и его отец... — сокрушалась Дәмежан. — Мырзаш тоже ушел в октябре... И тоже в сорок четыре года. Почему

все это повторяется?..

Когда умер Саған, будто обрушилась еще одна, последняя стена, за которой держалась их жизнь. Его жена Бибиғайша, учительница шевченковской школы, не выдержала удара — у нее отказали ноги. И снова все легло на плечи Дәмежан. Теперь — не только свои дети, но и больная невестка, и пятеро внуков. Дом, в котором и без того не знали покоя, стал еще теснее от забот и нескончаемой работы. Сосед Амангельды, глядя на нее, часто качал головой и говорил:

— Десять женщин не сделают того, что делает мать Карагуловых. И в этих словах не было ни преувеличения, ни похвалы — только простая, сельская правда. Она вставала раньше всех и ложилась позже всех. Носила, варила, стирала, лечила, утешала. Не жаловалась. Не просила. И даже в самые тяжелые дни оставалась прямой, как будто не давала себе права согнуться. В поселке ее называли по праву — Батыр-ана. И это было не имя. Это была судьба.

Конец октября в тот год выдался сухим и на удивление теплым для казахстанской степи. Погода словно дала передышку — редкую, почти незаслуженную. И это оказалось кстати. Из-за болезни, а затем и смерти Сағана у Карагуловых не нашлось ни сил, ни времени вовремя убрать пшеницу со своего поля. Урожай стоял, ожидая рук, которые были заняты совсем другим — тревогой, уходом, прощанием...

Когда-то их было много — гудящих, пыльных, живых. Но перестройку и развал совхоза «Пролетарский» пережили лишь два комбайна. И то благодаря таланту и самоотверженности их новых собственников. Уже в предпенсионном

возрасте однорукий Эрвин по крохам собрал и отремонтировал одну из последних моделей советского машиностроения — зеленую «Ниву». У молодого Рыбака — так на селе прозвали Федора, переведя его немецкую фамилию, — на ходу был более старый, красного цвета комбайн. Оба механизатора жили по соседству с Дәмежан. Пожилая женщина решила договориться со старшим из них. Она была уверена, что Эрвин намного опытнее и сможет убрать урожай с минимальными потерями.

Выходные в сельской местности — понятие относительное. Летом их почти не бывает. Лишь после хлебоуборочной страды механизаторы могут позволить себе передышку на пару дней. Впрочем, и отдых у сельских жителей — вещь весьма условная. Была суббота. Эрвин с обнаженным торсом возился на задворках дома возле своего комбайна.

— Сәлем, амансындар ма? — издалека и на казахском поприветствовала немца Дәмежан (Привет, как дела?) и остановилась. В ожидании, опустив глаза, не спеша рассматривала угол своего платка.

Эрвин услышал и понял намек. Мужчина поспешил надеть рубаху и выкрикнул:

— Здравствуй, Батыр-ана.

Дәмежан подошла.

— Сосед, мне нужна твоя помощь. Пшеницу надо собрать.

— Нет проблем.

— Вот только наше поле далеко, на Востоке.

— И туда доедем.

— Сколько?

— Мои расценки всем известны. Тебе, по-соседски, будет скидка.

— Рахмет көрші, — поблагодарила соседа Дәмежан. — Я и без скидки соглашусь. Туда ведь добираться далеко. Тебе тоже надо что заработать.

— Договорились, — протянул в знак заключения сделки свою единственную левую руку пожилой Эрвин. — А как мне найти твою пшеницу? Кто-нибудь из ваших там будет?

— Не бойся, не ошибешься. Там всего два поля. Правда, у наших соседей урожай нынче совсем плохой, жаль, конечно.

На том и порешили. Дәмежан ушла восвояси, а Эрвин поспешил в дом.

— Ну вот, мать, — с порога радостно пробасил хозяин дома. — Еще один заказ.

— Дай-то бог! — ответила ему супруга. — А то все ваучеры и сбережения в твой дирижабль вбухали. Прогорит дело — зимой лапу сосать придется.

— Не ссы, Каролин, — самоуверенно успокаивал муж, побарски усевшись за шатким обеденным столом. — Считай, на всю округу лишь два комбайна: мой да салаги Федьки. Конкуренции нам нуль без палочки.

— Не говори гоп... — явно на середине предложения прервалась Каролина, подозрительно поглядывая в окно летней

кухни. Спустя минуту чуть ли не шепотом испуганно продолжила: — Пока не перепрыгнешь. Гляди. К нам непрошенные гости пожаловали.

Эрвин приподнялся и, отодвинув край тюлевой занавески, тоже посмотрел в окошко. От удивления присвистнул. Посреди их двора стоял мальчик. Не старше десяти лет. Что же могло в нем так напугать хозяев дома, которые буквально пулей вылетели наружу и сейчас молча переминались с ноги на ногу у порога. Мальчик был младшим из банды братьев Исиных. Молодчикам, видимо, доставляло удовольствие не просто грабить односельчан, но при этом еще и унижать их. Именно поэтому они отправляли к избранным жертвам маленького и худенького почти что еще ребенка. Взрослые мужчины поселка должны были ему беспрекословно подчиняться. Тех сельчан, кто все же осмелился противоречить пацану, братья Исины избивали за «издевательство» над ребенком.

— Эй, ты, однорукий, — писклявым голосом обратился мальчонок к пожилому Эрвину и, стараясь подражать взрослым, сплюнул на землю. — Чтоб завтра был со своим комбайном на Востоке. Нам там пшеницу надо скосить.

В этот момент гнев и обида окрасили лицо хозяина дома в кроваво-красный цвет. Казалось, что все мускулы мужского тела сейчас вспучились, до предела натянув кожу. Вены на шее и висках вздулись. Но Эрвин промолчал. Того требовала Каролина, то и дело скрытно одергивая за руку супруга.

— Короче, ты меня понял, — уверенно и нагло произнес тот же писклявый голос, и мальчуган не преминул опять сплюнуть. — Чтоб как штык завтра там был...

Этой ночью Эрвин не мог заснуть. Хотел, пытался, но не получалось. Жуткие мысли постоянно лезли в голову. Мужчина поминутно ворочался с боку на бок. В конце концов не выдержал, вскочил и выбежал во двор. Круторогий месяц освещал ему путь. Эрвин, крадучись, часто озираясь, приблизился к своему любимцу. В лунном свете его зеленый комбайн блестел как громадный изумруд. Быстро оглядевшись по сторонам и убедившись, что вокруг никого нет, Эрвин достал из кармана складной нож.

— Будут мне еще тут всякие сопляки указывать, — его губы мелко дрожали. — Не на того напоролись. Командуйте другими и в другом месте. Однорукий зубами открыл единственное длинное лезвие самодельного ножа и с яростью глубоко воткнул его острие в шину переднего колеса. Резиновая камера тут же, со свистом, стала выпускать воздух. Эрвин вытащил нож и метнулся к заднему колесу. Все повторилось. Вот уже которую минуту, более и более впадая в ажиотаж, пожилой мужчина как безумец кружился вокруг комбайна, протыкая и пытаясь вспороть шины всех четырех колес. Когда-то он остановился и сквозь слезы, с пеной на губах злобно произнес:

— Так не доставайся же ты никому! Я тебя собрал — я тебя и уничтожу.

Затем, тем же ножом он стал резать ремни. Как же дорого они ему обошлись! За приводной ремень отдал двадцать кур. Годовалым теленком пришлось заплатить за клиновыи, приводной и вариаторный ремни. Весь труд пошел насмарку. Все расходы коту под хвост.

— Накосьте выкусьте! — не выпуская из единственной руки складной нож, Эрвин умудрился скрутить фигу в направлении центра поселка. Напоследок мужчина стал засыпать песок в заполненный до краев топливный бак. С каждой жменей песка горючее выливалось через горловину. Комбайн буквально истекал соляркой.

К утру Эрвин свершил все задуманное. Успокоился и почему-то даже повеселел. Вернувшись в спальню их дома, с порога выкрикнул:

— Мать, собирайся. Мы сваливаем в Германию.

— Тс-с! — цыкнула на него Каролина, протирая спосонья глаза. — Молчи, попридержи язык за зубами. Соседи могут услышать. Ты в своем уме? Ты же еще вчера клялся, что твоя нога не ступит на немецкую землю.

— Weib, баба, не смей перечить мужу. Сказал собирайся — значит, надо. И так будет. Баста! Давай, быстро! Бери документы да самое необходимое.

— А как же скотина? Твой комбайн? Ведь ты больше года над ним, как дитем малым, тряся. Сколько денег на технику угробил.

— Комбайн в хлам! Металлолом. Я его собрал, я его и

сгубил. Поломал и испортил все, что можно было. А хозяйство? Так уже сегодня все это у нас Исины отберут. Так что бежать нам надо. У детей в городе перекантуемся.

Каролина понимающе кивнула и стала спешно собирать чемоданы. — Вот дети у нас молодцы. Как в воду глядели. За спиной у настырного отца нам заграницные паспорта оформили...

сыновья Сағана и Бибигайиши : Саин, Салимжан,Тал-

гат, Алтынбек, Асхат.

Утро понедельника изначально оказалось тревожным. Еще в окно своей спальни Дәмежан заметила, как низкие белые тучи сплошь затянули небо.

— Как же это некстати во время жатвы, — сидя на кровати, хозяйка дома умоляюще подняла руки к потолку. — Пожалуйста, будь милостив к нам!

Подоив корову и выпустив на выгул овец, Батыр-ана задержалась возле калитки своего двора. Высоко задрав голову, она рассматривала небо, невольно крутясь как юла вокруг своей оси. Светлые облака сейчас напоминали пенистые морские волны, которые наяву казашка никогда еще не видела. Разве что только по телевизору. Своей темной бездной они даже на экране обычно вызывали в женской душе страх и трепет. В небесных же волнах было меньше угрозы. Сквозь облака просвечивалась воздушная высь и необозримое пространство. Это успокаивает и даже воодушевляет.

В какой-то момент Дәмежан опустила голову, и ее взгляд случайно наткнулся на подворье соседей. Комбайн Эрвина стоял на том же месте, что и в субботу днем.

— Да как же так! — громко вскрикнула Дәмежан. Плотнее завязывая было спавший на плечи платок, она решительно направилась к смежному дому. — Обещал ведь. Свою единственную руку протянул в знак согласия. Эрвин, выходи, разбираться будем!

Во дворе соседа было пусто. Ни одной живой души. Двери сарая закрыты. Оттуда раздавалось недовольное визжание, видимо, некормленных свиней и многократное кукареканье петухов. Рядом с сараем, под навесом, мычала недоеная ко-
рова.

— Вы что там, все пьяные? Все еще дрыхнете? — возмущалась пожилая казашка, подходя к высокому крыльцу. —
Үйде кім бар?

В ответ тишина. Лишь сейчас Дәмежан заметила, что на дверях висел огромный ржавый замок.

— Что-то здесь не так, — задумчиво произнесла она и поспешила на противоположную сторону улицы.

— Үйде кім бар? — постучалась Дәмежан подобранной на дороге палкой в калитку дома семьи Фишер.

— Доброе утро, Батыр-ана, — раздался в ответ заспанный голос хозяйки дома.

— Люба, позови Федьку. У меня к твоему сыну дело есть.

— Так его нет. Он с Жарыка до сих пор не вернулся. Его комбайн там сломался.

День начался с сюрпризов и явно не по ее плану...

Уже к полудню тревога переросла в глухой, холодный страх. Подтверждая недобрые предчувствия, в Аккемер при-
скакал с восточных пастбищ знакомый чабан. Он заглянул ненадолго.

— Я не просто так зашел, — сказал он, понизив голос. —
Сказать вам надо. Берегите свой урожай... Соседи ваши на

него глаз положили.

Дэмежан замерла.

— У них ведь в этом году ничего не вышло, — продолжил старик. — Так они к вашей пшенице приглядываются: ходят, меряют, считают... Комбайнера уже ищут.

Батыр-ана сжала руки в переднике. В ее жизни и без того было достаточно бед, но теперь к ним прибавлялась еще одна — обнаглевшие соседи. Пришлось срочно звонить — по знакомым, по родственникам, всем, кто мог хоть чем-то помочь. И действительно, им подсказали: попробуйте обратиться в совхоз имени Максима Горького. Оттуда откликнулись. Уже на следующий день в сторону востока выдвинулись шесть комбайнов. Их ровный гул далеко катился по степи, словно возвещая о близкой подмоге. Но помощь не дошла. Скоро стало известно: по дороге их поджидали сыновья соседа — те самые, что уже давно приглядывались к чужому зерну, уверенные, что у оставшейся без взрослых мужчин семьи Карагуловых не хватит ни сил, ни защиты. Они вышли навстречу комбайнам — нагло, с оружием напоказ.

— Сматывайтесь, — бросили коротко. — Или сожжем ваши комбайны.

И в этих словах не было пустой угрозы. Никто из механизаторов за штурвалом не стал испытывать судьбу. Машины одна за другой развернулись — и пошли обратно, оставляя за собой неубранное поле и тяжелое чувство чужой, безнаказанной силы...

В тот же день Дәмежан снова стояла у забора семьи Фишеров.

— Люба, так что, твой сын починил комбайн?

— Да, конечно, Батыр-ана. Только из Жарыка сразу на Восток выдвинулся. Там кому-то пшеницу убирать надо...

В ту минуту у пожилой казашки тревожно сжалось сердце...

Напротив села Ақкемер на крутом изгибе реки, вдоль обрывистого известнякового берега с одной стороны и пологого песчаного с другой, на сотни метров тянется полоса мелководья. Прибрежье здесь абсолютно голое: ни деревца, ни кустика, ни камышинки и ни одной тростинки. На этом участке Илека из года в год весеннее половодье устраивает страшные и опасные водовороты. В пучине темно-бурых вод и ледяных глыб перемалывается все и вся. Не самый подходящий уголок для многолетних растений. Бурные вихри паводков смывают и уносят с собой плодородную почву. На пологой стороне не растет даже трава. Широкий песчаный пляж. Максимум по колено глубиной ровное дно мелководья усыпано хрустящим, желтым, похожим на зерна пшеницы песком и мелким гравием. Течение практически отсутствует, хотя неподалеку отсюда на дне реки быют многочисленные родники. В тихой зеркальной глади воды отражается голубое небо, придавая ее поверхности бирюзовый цвет. Летом на перекате охотно резвится сельская ребятня. Для них должно быть настоящим блаженством — среди жары ны-

рять и плавать в освежительной своей прохладой воде. Подобно подрастающим гусятам и утятам, наверняка забывая о времени и о пространстве, малышня плескается на речке с утра и до позднего вечера. И только лишь чувство голода на закате дня в состоянии разогнать их по домам. Вооружившись обрывками тюлевых занавесок, а то и просто используя свои платица да рубашонки, детвора на отмели часто охотится за пескарями. Поблескивая своей чешуей, стайки мелких рыбешек юрко снуют вокруг и внутри наполовину занесенной песком огромной ржавой трубы. Неестественный для общей природной идиллии кусок металла является свидетелем неудачной попытки соорудить тут переправу. Очередной паводок снес и размыл высокую глиняную дамбу, погнул и развернул наискось по течению проточную трубу плотины. Насколько помнят старожилы, здесь всегда находился речной брод. Пешком, на подводах, а позже уже и на тракторах да грузовиках сельчане в этом месте переправлялись на другую сторону Илека, в направлении населенных пунктов Восток, Леваневское и Шевченко. Утренние облака над поселком оказались случайными, заблудившимися небесными овечками. Погоняемые теплыми лучами непривычно щедрого для начала ноября солнца, они быстро разбежались по бескрайнему казахстанскому поднебесью. День обещал быть почти по-летнему жарким.

На достаточно высокой скорости, с глухим, тяжелым ревом мотора, брод стремительно миновал красный «Жигули» — ноль седьмой. Машина, утопая почти до середины колес, уверенно рассекала толщу воды, поднимая веера брызг и оставляя за собой дрожащие водяные борозды. Игравшие на мелководье дети с визгом бросились врассыпную. Выбравшись на берег, автомобиль, фыркая и захлебываясь, с тру-

дом одолел крутой подъем в низине между двумя высокими известняковыми кручами и двинулся по уходящей в степные холмы извилистой дороге. За ним тянулся столб пыли. Порывом ветра с головы Дәмежан сорвало легкий ситцевый платок. Но она, кажется, даже не обратила на это внимания. За рулем сидел ее сын Ержан. Мать с сыном мчались на Восток. Хотя «мчались» — это было бы слишком громко сказано. Карагуловы ехали, насколько позволяла дорога, где каждая кочка напоминала о суровости этой земли. Колея гусеничных следов, оставленных весной трактором, прошедшим летом окаменела так, что дорога походила на стиральную доску. Машину трясло. Ержан с трудом удерживал руль.

— Мама, держись крепче! — перекрывая гул мотора, крикнул он, преодолевая очередной ухаб.

Пришлось свернуть в степь, где трава давно выгорела на солнце, а остатки жнивья жалили, как иглы. На горизонте показалось поле, где красный комбайн уже пожирал золотые стебли пшеницы. Это был урожай их семьи, их надежда, их труд. Вблизи стояли два грузовика и уазик полевой окраски. Между ними виднелись темные фигуры пятерых мужчин. Не доезжая, Дәмежан чуть ли не на ходу распахнула дверцу и вывалилась на пшеничное поле. Высокие стебли хлеба доходили ей выше пояса. Раскинув руки, Батыр-ана смело направилась наперекор огромной машине. Маленького роста, простоволосая женщина шла прямо навстречу ревущему монстру. Зловещие мотовила жатки уже готовились сомкнуться,

как челюсти, но она не отступила ни на шаг.

— Не пущу! — кричала Дәмежан так громко, что голос ее, казалось, разрывал густой воздух. — Это наш хлеб!

Из-за гула работающего мотора вряд ли кто мог слышать ее слова. Низкая ростом Батыр-ана продолжала кричать, бесстрашно приближаясь к зловеще вращающимся мотовилам пятиметровой ширины жатки. В кабине комбайна молодой механизатор, белокурый Федор, растерянно оглядывался то на кричащую женщину, то на грузовики и уазик, где стояли его «работодатели». Он не мог разглядеть их лица из-за расстояния, но и не хотел — и так знал, что они грозно машут руками, требуя продолжать. Федор заглушил мотор и спрыгнул на землю.

— Феденька, да что же ты творишь? Соседей грабишь! — рыдала женщина, приближаясь к нему. — Неужели ты забыл, как я тебя мыла и кормила, когда твою маму в больнице оперировали?

— Батыр-ана, я... Я не хотел. Мне сказали, что это ничье поле, что оно заброшено. Я думал... я не знал, что это ваше.

Его оправдания были прерваны злобным криком одного из подоспевших старших сыновей соседей.

— Эй, Рыбак, немедленно заведи мотор, — выкрикнул он, направляя двустволку на Федора.

Федор, дрожа, отступил на шаг назад.

— Не могу, не могу... — еле слышно произнес он и сорвался с места.

Как вспугнутый заяц Федор побежал прочь, оставляя комбайн. Братья Исины с угрозами поклялись, что он за это заплатит, и скрылись на своем уазике вместе с грузовиками...

Сестры Карагуловы, Света и Служан, в это время нашли другого механизатора. Из бывшего совхоза имени Димитрова к ним на помощь уже спешил одноклассник Ануарбека Раймкулова — опытный комбайнер. Его тоже попытались остановить. Те же люди, те же угрозы, та же уверенность в безнаказанности. Но этот человек оказался не из пугливых.

— Там, где мне довелось сидеть... — сурово сказал он, медленно доставая нож. — Ну, кто первый? Подходите.

Желающих не нашлось. Поле удалось отстоять. Урожай в тот год выдался небывалым. На вырученные деньги тогда можно было купить не меньше четырех квартир в областном центре. Как и обещал перед смертью старший брат Саған, сестре Служан досталась одна из них.

— Я впервые в жизни своими глазами увидела, что хлеб, зерно — это настоящее богатство, — часто вспоминает Служан Мырзашевна...

Переводчик Исенгалиев

Кто бы мог представить, что дети и внуки некогда уважаемого Нурлана Исенгалиева, человека, известного во всей округе, станут олицетворением хаоса и беспредела? Этот человек, чья жизнь была связана с судьбами множества людей, оставил глубокий след в истории края, но, увы, его наследие оказалось мрачным.

Нурлан Исенгалиев впервые появился в этих местах в роли переводчика при царском офицере. Это были смутные времена столыпинской реформы, когда у местных баев отни-

мали их родовые земли, отдавая их переселенцам. Именно тогда судьба свела Нурлана с Баймухамбеком Шукеновым, знатным баям, чьи владения простирались вдоль живописных берегов реки Илек. Главной жемчужиной его земель была зимовка напротив белоснежных известняковых круч, которые в народе называли «Ақ Кемер» — «Белый пояс».

Нурлан, будучи человеком невысокого роста, с худощавым, но ловким телосложением, производил впечатление человека угодливого, но проницательного. Его серо-коричневая шинель из грубого пехотного сукна, всегда начищенные медные пуговицы и треснувшее пенсне стали его неизменными атрибутами. Многие замечали его склонность к льстивости и подобострастию, но это вовсе не умаляло его значимости в глазах местных жителей. Он умел находить подход к каждому, балансируя между интересами власти и нуждами народа.

Судьба Нурлана в последующие годы тесно переплелась с судьбой Аккемира. Когда в годы строительства железной дороги рядом с этими местами появилась станция, Исенгалиев одним из первых перебрался сюда. Благодаря своей коммуникабельности и знанию двух языков он сумел занять важную должность начальника станции.

Его кабинет напоминал маленький оплот аккуратного порядка: бумаги стопками, чернильница всегда наполнена, а календарь на стене отмечал каждую дату важных визитов проверяющих.

Его роль изменилась, но суть осталась прежней. Теперь он льстил не царским чиновникам, а партийным функционерам. Если в царские времена он смотрел снизу вверх на белых офицеров, то теперь с тем же усердием выплясывал перед инструкторами райкома. Его красный галстук — единственное яркое пятно в облике — был завязан всегда на удивление ровно, как будто это был символ его преданности новой власти.

Потом он станет председателем сельсовета. А когда вблизи станции Аккемир создали совхоз «Пролетарский», Исенгалиев, всегда чувствующий, где теплее, перебрался туда и возглавил партийный комитет. Его навыки угодничества и манипуляции сделали его незаменимым. Он усердно твердил о свете коммунизма, гремел лозунгами и зачитывал речи на собраниях, но в те же моменты умудрялся направлять все блага совхоза в свою сторону.

На первый взгляд, он казался человеком преданным делу социализма. Его речи о светлом будущем звучали проникновенно, а многочисленные собрания, проводимые им, вдохновляли аккемирчан. Но те, кто знал Нурлана поближе, поговаривали, что за фасадом партийной преданности скрывалась изворотливость, корысть и непреодолимая жажда власти.

Годы перестройки стали временем, когда истинная сущность Нурлана Исенгалиева и его семьи проявилась во всей красе. Его дети, воспитанные в духе безоговорочного превосходства и вседозволенности, объединились с двумя другими многодетными казахскими семьями, создали и возглавили банду “братьев Исиных”. Они взяли под контроль весь поселок, подавляя любое сопротивление. Исенгалиев, как поговаривали, не просто не осуждал их действий, но даже тайно поддерживал.

Бандиты держали в страхе весь Аккемир. Под их давлением аккемирчане теряли дома, имущество, а многие — даже надежду на будущее. Особенно сильно страдало немецкое население, которое в те годы массово эмигрировало в Германию. Немцы вынуждены были оставлять нажитое имущество и покидать родные места практически с пустыми руками.

Насилие, вымогательства, запугивания — все это стало нормой для поселка. Даже те, кто когда-то уважал Нурлана за его дипломатичность и умение налаживать мосты, теперь с горечью признавали, что его наследие стало катастрофой для Аккемира.

Белые известняковые кручи, давшие название этим местам, видели многое. Они молчаливо наблюдали, как уходят из поселка люди, как исчезает советская дружба народов, как разрушается жизнь тех, кто когда-то верил в светлое будущее. "Ақ Кемер" — символ чистоты и надежды — превратился в символ распада и утраты.

История Нурлана Исенгалиева и его потомков — это трагедия о том, как благие намерения могут быть омрачены человеческими слабостями, как один человек способен повлиять на судьбу целого края, но в то же время оставить след, который будет вызывать горечь у последующих поколений.

Отто с отцом Эрвином Оккертом

Большой дом Исенгалиевых возвышался в самом центре села, словно символ их могущества и статуса. Это был не просто дом, а настоящий особняк, почти вилла, привлекающая внимание всех, кто проходил мимо. Высокий забор из прочного кирпича окружал владения, скрывая от посторонних глаз ухоженный сад с экзотическими деревьями и цветами. Ворота из кованого железа с изящными узорами казались неприступными, а сам дом, с его высокими окнами и балконами, вызывал у односельчан смесь восхищения и за-

висти.

Величественное строение снаружи и роскошное убранство внутри — все говорило о богатстве хозяев. Просторные комнаты были обставлены мебелью, привезенной из городов, украшены редкими коврами и дорогими картинами. На широком крыльце нередко сидели члены семьи Исенгалиевых, неспешно попивая чай из тонкостенных фарфоровых чашек, а по вечерам на участке за домом слышались звуки музыки и смех гостей.

Но так было не всегда. В советские годы Исенгалиевы жили куда скромнее, пряча свое благосостояние за серыми стенами обыкновенного сельского дома. Глава семьи, Нурлан Исенгалиев, будучи партийным работником, отлично понимал, что показное богатство может стать поводом для вопросов и неприятностей. Партия требовала скромности, и он не осмеливался бросать вызов этим негласным правилам.

Однако времена изменились. Разрушение советской системы принесло хаос, но для некоторых это стало временем возможностей. Исенгалиевы оказались в числе тех, кто сумел воспользоваться безвластием и общим разбродом. Их состояние выросло стремительно и необъяснимо. Односельчане шептались, что это богатство было нажито нечестным путем. Кто-то говорил о махинациях с совхозным имуществом, кто-то обвинял в откровенном воровстве. Однажды даже пошел слух, что на территории дома спрятаны ящики с ценностями и оружием. Но никто так и не осмелился про-

верить правдивость этих домыслов.

В годы горбачевской перестройки, а еще больше после нее, дом Исенгалиевых стал не просто символом их богатства, но и немым укором для тех, кто жил в разрухе и бедности. Каждый кирпич особняка словно напоминал о несправедливости, которая царила в новом времени. Люди проходили мимо, косились на величественные ворота, но внутри каждого теплел один и тот же вопрос: неужели все это — плоды честного труда?

День клонился к закату, окрашивая небо над Аккемиром в огненные оттенки. В просторном зале дома Исенгалиевых царила оживленная атмосфера. Здесь собралась практически вся мужская часть семьи, от самого Байбулата Нурлановича до его младших сыновей.

На самом почетном месте восседала небольшая группа гостей горской внешности: смуглые, с тонкими чертами лиц, высокими скулами и черными, словно уголь, глазами. Их строгие костюмы подчеркивали сдержанность манер, но уверенность в осанке и движениях выдавала людей, привыкших к власти и влиянию.

За щедро накрытым столом высились горы варенного, жареного и запеченного мяса: жирный бесбармак, куски баранины с хрустящей корочкой. На серебряных блюдах лежали наисвежайшие фрукты и овощи, завезенные из южных областей. Среди изысков выделялись ароматные дыни и персики, пахнущие летом. В центре стола красовался кувшин с кумы-

сом.

Шла неторопливая беседа. Гости, оказавшиеся представителями чеченской диаспоры, рассказывали о своем освободительном движении. С их слов, цель была ясна: восстановление исторической справедливости, создание Ичкерской республики, объединяющей народы Кавказа под общим флагом. Возглавлял движение некто Амир Хусейн, человек, как они уверяли, мудрый и решительный, готовый противостоять любой угрозе.

— Наши горы — это наша свобода, — сказал один из гостей, высокий мужчина с седыми висками. Его голос звучал твердо, но не громко. — Без нее мы как орлы в клетке. Черкесская республика — это не только идея, но и долг перед нашими предками. Амир Хусейн всегда говорил: “Мы не против народов, мы против тех, кто пытается стереть нашу культуру. Еще раз хочу воздать хвалу Аллаху - за то, что Он среди стольких мусульман выделил нас и приобщил к тем, кто крепок в имане и верует так, как следует веровать! За то, что Он вывел нас на путь истины и укрепил нас в Исламе и имане, даровал нам выносливость, терпение и здоровье!”

Байбулат Нурланович внимательно слушал, слегка покачивая головой. Его взгляд изредка скользил по лицам гостей, а руки медленно вращали чашку с чаем.

— Вы правы, братья, — наконец заговорил он, голос его звучал уверенно, но с ноткой торжественности. — Мы, казахи, как никто другой понимаем, что значит бороться за свою

землю, за свой язык. Ваше дело справедливо, и я поддерживаю его всем сердцем.

Он поднялся со своего места, обведя всех присутствующих взглядом.

— Мясо, зерно, техника, даже оружие — все, что нужно, будет доставлено вовремя. Мы — союзники. И вы можете рассчитывать на нас.

Гости, словно по команде, встали со своих мест, чтобы выразить благодарность.

— Пусть наш союз будет крепким, как наши кавказские горы, — сказал один из них, слегка кланяясь.

— И таким же вечным, как наши казахстанские степи, — добавил Байбулат, явно довольный произведенным впечатлением.

После торжественных речей ужин продолжился. Лились стилизованные похвалы: хозяева благодарили гостей за приверженность традициям и верность долгу, гости восхищались гостеприимством семьи Исенгалиевых. Насыщенный аромат крепкого чая смешивался с запахами мяса и специй, а за окнами уже сгущались сумерки, обещая, что ночь будет долгой.

Лилия Мерковская - Трифонова с детьми

Похороны золотой души

На ярко-голубом небе медленно плыла одинокая тучка, оставляя свою тень, похожую на серую кляксу, на глинистой поверхности бескрайней степи. Им обоим не за что было зацепиться: ни тучке в пустом поднебесье, ни ее тени на иссушенной летним солнцем земле.

Даже наоборот. К потерянному облаку привязался величественно паривший над ним беркут. Видимо, от скуки царь птиц уцепился своим зорким взглядом за одинокого спутника.

Орел не заметил, как под ними сплошную желтоватую

равнину вдруг разорвала зеленая витиеватая трещина. Это была низина реки Илек, берущей начало в этих краях. Живительная влага многочисленных родников текла по естественному руслу с отвесными берегами, меняя свою ширину: от узких двух метров в верховьях до широких 150 метров в среднем течении. То здесь, то там вырисовывались белоснежные известняковые кручи. А песчаные обрывы почти сливались с выжженной травой пастбищ.

Илек, протянувшийся через невысокие каменные гряды Мугоджарского массива, оставит за собой пойму с множеством протоков и озер, прежде чем спустя более 600 километров соединится с великим Уралом как самый крупный его приток.

К середине лета палящее солнце до последнего стебля выжгло степь. Но долина Илека оставалась зеленым оазисом жизни, готовым утолить жажду, подарить прохладу и накормить людей и их многочисленные караваны верблюдов, табуны лошадей, стада коров и отары овец.

У истока реки, на ее крутом изгибе, напротив длинных белых известняковых склонов, раскинулось село Аккемер.

Вот уже которые сутки подряд стояло безветрие и воздух был раскален невыносимым жаром. Спозаранку, не успев еще толком проснуться, босоногие сельские ребяташки убежали на речку. Благо, там сплошь и рядом из-под земли бьют ледяной воды родники.

Обычная для этих мест и этого времени года погода задол-

го до полудня загнала жаждущих тени и прохлады немногочисленных сельчан в самые укромные уголки жилищ. Были даже и такие, кто прятался от жары в глубоких погребах.

Придавленный зноем Аккемер обезлюдел и сейчас напоминал знакомое нам по вестерн-фильмам, заброшенное и опустевшее поселение. От малейшего движения воздуха по улицам испуганно разбегались сухие клубки перекати-поле.

Лавируя между этими шарами, почти сливаясь по цвету с утрамбованным песком и глиной грунтовой поселковой до-

роги, тенью промелькнула рыжая кошка. Она спешила в сторону одиноко стоящего на пустыре, выложенного из силикатного кирпича, дома. Слева от нее осталось здание железнодорожного вокзала и прилегающий к нему круглой формы сад. Справа располагалось древнее мусульманское кладбище - на казахском - зират. Высокие, небесного цвета купола надгробий, многочисленные каменные ствольные стелы и мемориальные ограды виднелись издалека.

В надежде уловить свежий бриз, двери дома стояли нараспашку. Но своевольная кошка забралась внутрь через открытую форточку. На деревянном полу комнаты в лучах падающего в проем окна солнца мелькнула ее тень.

Она застыла рыжим пятном на широком, окрашенном голубой краской, деревянном подоконнике. Боком прислонившись к ржавой жестяной банке, из которой торчал полузасохший бледно-зеленый столетник, кошка наострила уши.

Из глубины комнаты доносились тяжкие человеческие стоны. Домашнее животное жалобно мяукнуло в ответ. Застоявшийся воздух пропах смесью карболки и корвалола. В правом углу помещения, под висящим на стене гобеленом с изображением пятерых оленей у водопоя, на железной кровати, тяжело и в болях умирала пожилая женщина. Длинные, смолистого цвета волосы веером разбросало по белоснежной наволочке подушки. На сморщенном лбу умирающей выступали крупные капли пота. Часть их, как только лицо страдальцы в судорогах передергивалось от очередного приступа боли, ручьем стекала в глубокие коричнево-лиловые впадины ее глаз, а потом дальше — на темную поверхность впавших щек. Загорелая кожа казашки по контуру скул казалась вылинявшей. Истощенная и сухая, почти прозрачная, она была не в состоянии скрывать цвет выпирающих костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.